



ИЗМЕНА

С ТЕБЯ СПРОСИТ ЖИЗНЬ!

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

**Измена. Однажды с
тебя спросит жизнь!**

«Автор»

2026

Соболева У.

Измена. Однажды с тебя спросит жизнь! / У. Соболева —
«Автор», 2026

Она протянула ему телефон. Он посмотрел на экран — и его лицо не дрогнуло. Ни удивления, ни страха, ни вины. Просто положил телефон на стол и спокойно спросил, что дальше. На фотографии в чужой машине — он. В блоге, который читают двести сорок тысяч человек. И он даже не стал отрицать. Зачем врать, если она и так всё знает? Мир остановился. Саша смотрела на мужчину, с которым прожила десять лет, и не узнавала его. Он спокойно назвал имя — Кира Светлова. Три месяца. Девяносто дней он целовал жену, ужинал с ней, спал в одной постели — и имел другую. А на её почти беззвучное «почему» Алексей, глядя в окно, вынес приговор: та женщина заставляет его гореть. А Саша превратилась в удобную домохозяйку — скучную, унылую, серую. Она тянет его вниз. Десять лет она была его тылом. Теперь «серая домохозяйка» поднимется из пепла — и засияет так, что он ослепнет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ульяна Соболева

Измена. Однажды с тебя спросит жизнь!

Глава 1

Есть особое чувство, когда просыпаешься в шелковых простынях, и первое, что видишь, — это рассвет за панорамными окнами. Солнце поднимается медленно, окрашивая небо в оттенки розового золота, и кажется, что весь мир создан специально для тебя. Для твоего счастья. Для твоей идеальной жизни. Я открыла глаза и на мгновение замерла, наслаждаясь этой картинкой — лес за окном еще спал в предрассветной дымке, а где-то далеко, за деревьями, проглядывала Москва-река. Наш особняк стоял в элитном поселке, где каждый дом — это произведение искусства, а каждый сосед — миллионер или олигарх. Мы были частью этого мира. Я была частью этого мира.

Я повернула голову и посмотрела на спящего рядом Алексея. Мой муж. Отец моего ребенка. Любовь всей моей жизни. Темные волосы растрепались на подушке, и я заметила новые серебряные нити у висков — они появились за последний год, добавляя ему солидности и какой-то особенной притягательности. Высокий, почти метр восемьдесят семь, с атлетическим телосложением, которое он поддерживал регулярными тренировками с личным тренером, Алексей даже во сне выглядел как мужчина, привыкший контролировать все вокруг. Его лицо, обычно напряженное от бесконечных переговоров и сделок, сейчас было расслабленным, почти мягким. Я провела пальцем по его скуле, и он пошевелился, не просыпаясь. На запястье поблескивали швейцарские часы — он даже спал в них, словно боялся потерять контроль над временем хотя бы на ночь.

Десять лет. Десять лет я просыпалась рядом с этим мужчиной. Десять лет мы строили нашу семью, наш дом, нашу жизнь. И через неделю будет годовщина — десять лет свадьбы. Я улыбнулась, вспоминая, как он вчера таинственно намекнул на какой-то особенный сюрприз. Алексей никогда не забывал важных дат, и я знала, что он приготовил что-то грандиозное. Может быть, поездку на Мальдивы? Или новое украшение от Cartier? Хотя, если честно, мне были не нужны подарки. Мне была нужна только его любовь. И я была абсолютно уверена, что она у меня есть.

Философы говорят, что счастье — это иллюзия, которую мы создаем сами, чтобы не сойти с ума от осознания хрупкости бытия. Но в то утро я бы поспорила с любым философом. Мое счастье было реальным. Осязаемым. Оно лежало рядом со мной в шелковых простынях, оно спало в детской комнате в виде девятилетней дочери, оно окружало меня стенами этого прекрасного дома. Я не знала тогда, что иллюзии имеют свойство рассыпаться. И когда они рассыпаются, осколки режут так глубоко, что кровоточат годами.

Я осторожно выскользнула из постели, стараясь не разбудить Алексея — он вчера вернулся поздно, измученный очередными переговорами в банке, где занимал должность вице-президента. Мои длинные светлые волосы рассыпались по плечам, когда я встала и потянулась, наслаждаясь ощущением шелкового пеньюара на коже. Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Тридцать два года, стройная фигура, которую я тщательно поддерживала йогой и правильным питанием, зеленые глаза, в которых еще читалась какая-то детская наивность. "Ты красивая, Саша", — сказала я себе тихо. И это была правда. Я была красивой женой красивого успешного мужчины. Я была идеальной частью идеальной картины.

Когда я спустилась на кухню, солнце уже заливало огромное пространство золотым светом. Наша кухня была мечтой любой хозяйки — итальянский гарнитур, мраморные столешницы, профессиональная техника. Хотя готовила здесь чаще наша домработница Люда, а не

я. У меня были другие обязанности — благотворительные мероприятия, светские приемы, встречи с женами партнеров Алексея. Я оставила карьеру архитектора десять лет назад, когда мы поженились. Алексей тогда сказал: "Зачем тебе работать, солнце? Я обеспечу нас обоих. Ты будешь заниматься домом, собой, нашими будущими детьми". И я согласилась. Потому что любила его. Потому что верила, что он прав.

Иногда, поздними вечерами, когда Алексей задерживался на работе, а София уже спала, я доставала свои старые архитектурные эскизы. Рассматривала их при свете настольной лампы и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Я была талантливей, говорили преподаватели в университете. У меня было будущее в профессии. Но я выбрала другое будущее — быть женой, матерью, хранительницей очага. И я не жалела. Совсем не жалела. Или убеждала себя в этом так убедительно, что сама поверила.

— Мамочка! — звонкий голос Софии вернул меня в реальность. Моя дочка вбежала на кухню в розовой пижаме с единорогами, ее длинные русые волосы взлохмачены после сна, а на щеках играл румянец. Девять лет — возраст, когда дети еще верят в чудеса и не знают, что взрослые умеют предавать. Она бросилась мне на шею, и я крепко обняла ее, вдыхая запах детского шампуня и чего-то еще — того неуловимого аромата детства, который невозможно описать словами.

— Доброе утро, солнышко мое, — я поцеловала ее в макушку. — Хорошо спала?

— Угу! Мне снилось, что мы поехали в Диснейленд, и там была настоящая фея, и она подарила мне волшебную палочку!

— Может быть, папа исполнит твою мечту, — я улыбнулась. — Он обещал сюрприз на нашу годовщину. Вдруг мы действительно поедem куда-нибудь?

София захлопала в ладоши, и в этот момент на кухню вошел Алексей. Он был уже одет — идеально отглаженная белая рубашка, дорогие брюки, волосы аккуратно уложены. Даже дома он выглядел так, словно собирался на важную встречу. Его синие глаза скользнули по мне, и я поймала этот взгляд — быстрый, оценивающий, почти равнодушный. Но он тут же улыбнулся, и я решила, что мне показалось.

— Мои девочки уже проснулись, — он подошел, обнял нас обеих и поцеловал меня в висок. Короткий, формальный поцелуй. Когда это стало формальностью? — Как спалось?

— Прекрасно, — я повернулась к нему, стараясь поймать его взгляд. — Ты поздно вернулся вчера. Переговоры затянулись?

— Да, партнеры из Лондона, сложная сделка, — он отстранился и прошел к кофемашине. — Но все прошло хорошо.

Мы сели завтракать все вместе — редкость в последнее время, потому что Алексей обычно уезжал рано. Но сегодня у него была вторая половина дня расписана встречами, и он мог позволить себе семейный завтрак. София болтала без умолку о школе, подругах, новом учителе математики, который, по ее словам, был "старым и противным". Алексей слушал вполуха, периодически отвлекаясь на телефон. Я заметила, как он нахмурился, прочитав какое-то сообщение, и быстро напечатал ответ. Потом поднял глаза и поймал мой взгляд.

— Что? — спросил он с легким раздражением.

— Ничего, — я улыбнулась. — Просто смотрю на тебя. Люблю тебя.

Он помолчал секунду, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то — раздражение? вина? — но он тут же улыбнулся в ответ.

— И я тебя люблю, — сказал он и снова вернулся к телефону.

"Люблю". Это слово звучало правильно. Оно должно было заполнять пустоты, которые иногда возникали между нами в последнее время. Эти странные моменты тишины, когда мы сидели рядом, но будто находились в разных мирах. Я списывала это на его усталость. На стресс от работы. На то, что после десяти лет брака страсть естественным образом уступает место спокойной нежности. Все нормально. Все правильно. Мы счастливы.

София доела свою кашу и побежала собираться в школу. Алексей допил кофе и встал, поправляя запонки на рубашке. Я проводила его взглядом, любуясь его фигурой, его уверенной походкой. Он подошел ко мне, обнял за плечи и снова поцеловал — на этот раз в губы, но так быстро, что я не успела ответить.

— Вечером вернусь поздно, — сказал он, уже направляясь к выходу. — Еще одна встреча. Не жди с ужином.

— Хорошо, — я кивнула. — Лёш, а насчет годовщины... ты же помнишь? Через неделю?

Он остановился в дверях и обернулся. На его лице была улыбка — красивая, белозубая, та самая улыбка, в которую я влюбилась пятнадцать лет назад, когда мы встретились в университете.

— Конечно, помню, солнце. Я приготовил сюрприз. Ты будешь в восторге.

И он ушел. Я осталась одна на кухне, залитой утренним светом, и чувствовала, как что-то странное шевелится в глубине груди. Что-то тревожное, необъяснимое. Но я прогнала это чувство. Все хорошо. У нас все хорошо.

День прошел как обычно — я отвезла Софию в школу, затем поехала на встречу благотворительного фонда, где мы обсуждали организацию аукциона в помощь детям из детских домов. Мои подруги — жены таких же успешных мужчин, как Алексей — щебетали о новых коллекциях, отпусках, пластических хирургах. Лена, моя лучшая подруга, которая была замужем за партнером Алексея, с восторгом рассказывала о поездке в Париж.

— Саш, а вы с Лёшей куда-нибудь собираетесь? — спросила она, отпивая латте. — У вас же скоро годовщина?

— Он обещал сюрприз, — я улыбнулась. — Не говорит что, но обещает, что я буду в восторге.

— Ох, как романтично! — Лена мечтательно вздохнула. — Мой Игорь в последний раз удивлял меня пять лет назад, когда подарил машину. С тех пор только цветы на праздники.

Мы посмеялись, обсудили детали аукциона, и я поехала домой. Вечером, когда София делала уроки, а я сидела рядом, помогая с математикой, мне позвонил Алексей. Я взяла трубку с улыбкой, но его голос был холодным и раздраженным.

— Саша, я сегодня вернусь очень поздно. Переговоры затягиваются. Не жди меня.

— Но Лёш, ты же утром говорил, что вечером...

— Я занят, Александра, — он перебил меня, и в его тоне прозвучала такая резкость, что у меня перехватило дыхание. — Не контролируй меня, пожалуйста. Я взрослый человек, я сам знаю, когда мне возвращаться домой.

Молчание повисло между нами, тяжелое и неудобное. Я сжала телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. За десять лет он никогда — никогда! — не разговаривал со мной таким тоном.

— Хорошо, — выдавила я. — Прости, если я...

Он уже отключился. Я смотрела на потухший экран телефона и чувствовала, как что-то холодное и скользкое поселяется в животе. София подняла на меня глаза.

— Мама, ты чего? У тебя лицо странное.

— Все хорошо, солнышко, — я натянуто улыбнулась. — Просто папа устал. Давай дорешаем задачку.

Но я не могла сосредоточиться. В голове крутились его слова: "Не контролируй меня". Я контролировала? Я всего лишь спросила, когда он вернется. Это нормально. Жены спрашивают мужей о таких вещах. Это не контроль, это забота. Правда?

Когда София легла спать, я ходила по дому, не находя себе места. Включала телевизор, выключала, открывала книгу, закрывала. В голове звучал его голос — раздраженный, холодный, чужой. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз он говорил со мной с такой неж-

ностью, как раньше. Не формальной вежливостью, а настоящей нежностью. И поняла, что не могу вспомнить. Месяц? Два? Полгода?

Где-то около полуночи я решила приготовить ему поздний ужин — может быть, он голодный, уставший, и от этого такой резкий? Я спустилась на кухню и случайно задела его пиджак, висевший на спинке стула. Пиджак соскользнул на пол, и из внутреннего кармана выпал чек. Обычный чек из ресторана. Я подняла его машинально, даже не собираясь читать, но глаза сами выхватили информацию.

"Ресторан 'Белый'. Ужин на двоих. Устрицы, два бокала шампанского Cristal, морской окунь, трюфельная паста, десерт 'Тирамису', десерт 'Панна-котта'. Сумма: 47 850 рублей".

Дата: позавчера.

Я остановилась. Перечитала. Еще раз. Позавчера. Позавчера Алексей сказал мне, что у него деловая встреча с партнерами из банка. Что они обсуждают новый инвестиционный проект. Что он вернется поздно. Он вернулся действительно поздно — около двенадцати. Усталый. Молчаливый. Я не стала его расспрашивать, решила, что он просто вымотался.

Но это не была деловая встреча. На деловых встречах не заказывают два десерта. Не пьют шампанское Cristal. Не...

Меня затрясло. Буквально, физически затрясло — руки, колени, все тело. Чек выпал из моих пальцев и плавно опустился на мраморный пол. Я смотрела на него, на эти цифры, на эту дату, и не могла дышать. В горле встал комок размером с кулак. Вдоль позвоночника прошла волна ледяного холода, и по коже пробежали мурашки — не от волнения, а от первобытного животного страха. Того самого страха, который чувствуют, когда земля уходит из-под ног.

"Два десерта".

Это не значит ничего. Может быть, он действительно был с партнерами. Может быть, их было двое, и второй тоже заказал десерт. Может быть...

Но я знала. Женщины всегда знают. Где-то на уровне инстинктов, глубже сознания, в той части души, которая никогда не ошибается. Я знала, что мой муж ужинал не один. Что он лгал мне. Что он...

Нет. Нет-нет-нет. Я не буду думать об этом. Не буду. Это просто чек. Просто бумажка. Я придумываю. Я параноик. Десять лет брака, дочь, клятвы, любовь — все это не может рухнуть из-за чека из ресторана.

Но руки продолжали дрожать. А в груди поселилась пустота, которая с каждой секундой становилась все больше, все темнее, все страшнее.

Говорят, что предчувствия обманчивы. Что нельзя верить своим страхам, потому что они рождены тревогой, а не реальностью. Но иногда страхи — это единственное, что говорит правду. Иногда интуиция видит то, что глаза отказываются замечать. Иногда мы знаем, что конец близок, задолго до того, как он наступит. Просто не хотим признавать. Не хотим верить. Цепляемся за иллюзию счастья, потому что правда слишком страшна, чтобы смотреть ей в глаза.

Я подняла чек с пола, аккуратно сложила его и положила обратно в карман пиджака. Поднялась в спальню. Легла в постель, на свою половину огромной кровати, и уставилась в потолок. Шелковые простыни, которые еще утром казались символом счастья, теперь душили меня холодом. За окном шумел ветер в деревьях. Где-то далеко проехала машина. А я лежала и пыталась успокоить сердце, которое билось так громко, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

"Два десерта".

Алексей вернулся около трех ночи. Я не спала, но притворилась спящей. Слышала, как он раздевается в темноте, стараясь не шуметь. Как ложится рядом, на свою половину кровати — между нами был целый океан холодного шелка. Он не обнял меня. Не поцеловал. Даже

не придвинулся ближе. Просто лег и через несколько минут уже дышал ровно, спокойно, как человек с чистой совестью.

А я лежала с открытыми глазами и думала о том, что иллюзии, какими бы прекрасными они ни были, всегда заканчиваются. И когда они заканчиваются, реальность оказывается настолько чудовищной, что хочется вернуться в иллюзию. Даже если она ложь. Даже если она обман. Потому что ложь, в которой ты счастлива, всегда лучше правды, которая разрывает тебя на части.

Но правда уже стучалась в дверь. И я не могла больше притворяться, что не слышу.

Глава 2

Есть такое состояние, когда ты не спишь и не бодрствуешь — зависаешь где-то между реальностью и кошмаром, и не можешь понять, где заканчивается одно и начинается другое. Всю ночь я лежала с открытыми глазами, слушая ровное дыхание Алексея рядом, и чувствовала, как внутри меня разрастается чернота. Она заполняла грудную клетку, сдавливала легкие, подбиралась к горлу. К утру я поняла — не успокоюсь, пока не узнаю правду. Даже если эта правда убьет меня.

Философы говорят, что неведение — благо. Что иногда лучше не знать, чем знать и мучиться. Но это неправда. Незнание не защищает, оно калечит по-другому — медленно, подло, превращая тебя в параноика, который видит измену в каждом взгляде, в каждом слове, в каждой задержке на работе. Я не хотела так жить. Я хотела знать. И пусть правда разорвет меня на части — но это будут честные куски, а не гниющая иллюзия.

Когда Алексей утром ушел на работу, я не стала притворяться, что все нормально. Не улыбалась, не целовала его на прощание. Просто сидела на кухне с чашкой остывшего кофе и смотрела, как он собирается — идеальная рубашка, идеальный костюм, идеальная ложь на идеальном лице. Он заметил мое молчание, нахмурился, но ничего не спросил. Только бросил на ходу: "Увидимся вечером" — и захлопнул дверь. А я осталась наедине со своими мыслями, которые грызли мозг, как голодные крысы.

После того как отвезла Софию в школу, я вернулась домой и сделала то, чего никогда не делала за десять лет брака. Я решила проверить его телефон. Алексей иногда оставлял его дома, когда уходил в душ или на пробежку. Сегодня он забыл его на тумбочке — редкая оплошность для человека, который обычно контролировал все до мелочей. Я взяла телефон, и пальцы задрожали так сильно, что едва не уронила его. Ввела пароль — нашу дату свадьбы, четыре цифры, которые я знала наизусть.

Неверный пароль.

Я моргнула. Ввела еще раз, медленно, тщательно. Неверный пароль. Попробовала дату рождения Софии. Неверный. Мою дату рождения. Неверный.

Телефон заблокировался после пяти попыток. Я смотрела на черный экран, и меня трясло — мелко, противно, как в лихорадке. Он изменил пароль. Мой муж, который десять лет не прятал от меня телефон, который смеялся, когда я говорила про пароли ("Зачем нам секреты, солнце?"), вдруг поставил новый код. И не сказал мне.

Люди не меняют пароли просто так. Они делают это, когда есть что скрывать. Когда боятся, что кто-то увидит то, что видеть не должен. Когда живут двойной жизнью.

Меня вырвало. Буквально. Я еле успела добежать до ванной и склониться над унитазом. Вышел кофе, желчь, вся та пустота, которая поселилась внутри за ночь. Я сползла на холодный кафель и сидела, обхватив колени руками, пытаясь отдышаться. По щекам текли слезы — я даже не заметила, когда начала плакать. Просто вдруг обнаружила мокрое лицо и соленый вкус во рту.

Нужно было позвонить кому-то. Поговорить. Разделить этот ужас с кем-то, кто меня поймет. Я набрала номер Лены — моей лучшей подруги, которую знала еще с университета, которая была свидетельницей на нашей свадьбе, которая всегда говорила, что Алексей и я — идеальная пара.

— Лен, — мой голос дрожал так, что я сама его не узнала. — Можно к тебе приехать? Прямо сейчас?

— Саш, что случилось? — в ее голосе прозвучала тревога. — Ты плачешь?

— Приеду и расскажу. Пожалуйста.

— Конечно, приезжай. Я дома.

Я приехала через двадцать минут. Даже не помню, как вела машину — на автопилоте, сквозь пелену слез. Лена открыла дверь, одна взглянула на меня и втащила внутрь, обняла так крепко, что я снова расплакалась. Мы сидели на ее кухне, я пила воду, давилась ею, пыталась успокоиться и не могла.

— Саш, что произошло? — Лена взяла меня за руки. — Ты меня пугаешь.

— Я думаю... — я сглотнула. — Я думаю, Алексей мне изменяет.

Лена замерла. На ее лице отразилось что-то странное — не удивление, а скорее... вина? Она отвела взгляд, и у меня внутри все оборвалось.

— Ты знала, — выдохнула я. — Господи, Лена, ты знала?

— Саша, я... — она закрыла лицо руками. — Я не была уверена. Я видела их, но подумала, что, может быть, это просто коллега или...

Меня затрясло снова. Пальцы вцепились в край стола так сильно, что побелели костяшки.

— Когда? Где? С кем?

— Неделью назад, — Лена говорила тихо, не поднимая глаз. — В центре города. Возле того бутика, где мы с тобой покупали платья на прошлой неделе. Я шла мимо и увидела их. Алексей и... девушка. Молодая, очень красивая. Они стояли возле его машины. И они... Саш, они целовались.

Мир качнулся. Буквально качнулся, как палуба корабля в шторм. Я схватилась за стол, чтобы не упасть.

— Целовались, — повторила я. — Алексей. Мой муж. Целовался с другой женщиной.

— Саша, прости, я не знала, как тебе сказать, — Лена плакала. — Я думала, может, мне показалось, может, это какая-то ошибка, я не хотела разрушать твою семью из-за своих подозрений...

— Какая она? — я подняла на нее глаза. — Опиши.

— Молодая. Лет двадцать пять максимум. Длинные темные волосы, яркий макияж, модельная внешность. Одета вызывающе, дорого. Она... Саша, она держала его за руку. И они смеялись. Они выглядели... счастливыми.

Счастливыми. Мой муж выглядел счастливым с другой женщиной. А со мной он в последний месяц почти не разговаривал. Отстранился, стал холодным, раздражительным. Я думала, это работа. Стресс. Усталость. А он просто нашел того, с кем ему интереснее.

Знаете, что самое страшное в предательстве? Не сам факт измены. Не то, что он трахает другую. Самое страшное — это осознание, что ты стала неинтересной. Что он выбирает не просто другое тело, а другую жизнь. Жизнь без тебя. И эта жизнь делает его счастливее, чем ты могла сделать за десять лет.

Я приехала домой как в тумане. Села за компьютер и открыла Alfagram — я почти не пользовалась соцсетями, но аккаунт был. Набрала в поиске: "молодая модель москва темные волосы". Тысячи результатов. Попробовала по-другому: добавила геолокацию того ресторана, чей чек нашла. Пролистала десятки профилей. И вдруг увидела.

@kira_svetlova. 240 тысяч подписчиков. Фото: роскошные рестораны, бутики, яхты, отели. Лицо — именно то, что описала Лена. Длинные темные волосы, яркий макияж, вызывающая красота. На фотографиях — дорогие платья, украшения, сумки. И подписи: "Жизнь прекрасна", "С тем, кто заставляет сердце биться", "Счастье есть".

Я листала ее профиль с каким-то болезненным любопытством, как давишь языком больной зуб, зная, что будет больно, но не в силах остановиться. Фотографии были недавние — последняя неделя. Кира в ресторане — не том ли самом, чей чек я нашла? Кира в машине — дорогой, черной. Кира с букетом роз.

А потом я увидела ту фотографию. Кира сидела за рулем, делала селфи. Но в зеркале заднего вида отражался мужчина на пассажирском сиденье. Отражение было размытым, но я бы узнала этот профиль из тысячи. Темные волосы с сединой на висках. Сильный подбор-

док. Часы на запястье — те самые швейцарские, которые я подарила ему на прошлый день рождения.

Алексей.

Подпись под фото: "С тем, кто заставляет сердце биться".

Три тысячи лайков. Сотни комментариев: "Кто этот счастливчик?", "Покажи его!", "Вы прекрасны вместе!".

Меня вывернуло наизнанку. Буквально выкрутило, как мокрую тряпку. Я не чувствовала ног, рук, лица. Только пустоту внутри — огромную, черную, бездонную. Пустоту, которая поглощала все: любовь, надежду, веру, будущее. Она даже не скрывала. Она выставляла его напоказ. Моего мужа. Отца моего ребенка. Мужчину, которому я отдала десять лет жизни, карьеру, молодость. Он был ее трофеем в Alfagram.

Я сделала скриншот. Несколько скриншотов. Потому что когда он вернется, я покажу ему это. И он не сможет врать. Не сможет говорить, что мне показалось. Улики были перед глазами, опубликованные для всего мира.

Остаток дня я провела в каком-то оцепенении. Забрала Софию из школы, приготовила ужин, помогла с уроками. Автоматически, не здесь. София что-то спрашивала, рассказывала, а я кивала и улыбалась, и не слышала ни слова. Внутри была только эта черная дыра, которая пожирала меня заживо.

Алексей позвонил около восьми.

— Саша, я сегодня задержусь. Встреча затянулась.

— С кем встреча? — мой голос был ровным, спокойным. Слишком спокойным.

— С партнерами из банка. Зачем тебе детали?

— Просто интересно. Может, мне тоже познакомиться с твоими партнерами?

Пауза. Долгая, тяжелая.

— Саша, что с тобой? — в его голосе прозвучало раздражение. — Ты опять начинаешь меня контролировать?

— Я просто спросила.

— Ты не просто спрашиваешь. Ты допрашиваешь. Мне это не нравится.

— А мне не нравится, что мой муж приходит домой в три часа ночи, — я почувствовала, как голос начинает дрожать. — Мне не нравится, что ты изменил пароль на телефоне. Мне не нравится, что ты врешь.

Тишина. Такая громкая, что закладывало уши.

— Мы поговорим позже, — сказал он холодно. — Не при дочери.

И отключился.

Я положила Софию спать, поцеловала ее в лоб, сказала "люблю тебя", и мое сердце разрывалось от мысли, что скоро ее мир тоже рухнет. Что она узнает — ее папа предатель. Что ее семья — ложь. Что счастье, в котором она жила девять лет, было просто красивой декорацией.

Потом я села в гостиной на диван и стала ждать. Телефон с открытым Alfagram лежал рядом. Фотография Киры с отражением Алексея светилась на экране. Мои руки дрожали. Все тело дрожало. Зубы стучали, хотя в доме было тепло. Это был не холод. Это был шок.

Он пришел около полуночи. Открыл дверь, вошел, снял пиджак. Увидел меня на диване и нахмурился.

— Почему не спишь?

— Мы должны поговорить.

Он вздохнул, прошел в гостиную, сел напротив. Посмотрел на меня усталым взглядом.

— Хорошо. Говори.

Я протянула ему телефон. Он взял, посмотрел на экран. Его лицо не изменилось. Ни удивления, ни страха, ни вины. Ничего. Просто посмотрел и положил телефон на стол.

— И что? — спросил он спокойно.

— И что?! — я вскочила. — Алексей, это ты! На фотографии в ее машине! В ее Alfragram, который смотрят двести сорок тысяч человек!

— Да, — сказал он просто. — Это я.

Мир остановился. Время, дыхание, сердце — все остановилось. Я смотрела на него, на этого мужчину, с которым прожила десять лет, и не узнавала его.

— Ты... не отрицаешь?

— Зачем? — он откинулся на спинку кресла. — Ты же знаешь. Зачем врать?

— Кто она?

— Кира. Кира Светлова. Мы встречаемся три месяца.

Три месяца. Девяносто дней он приходил домой, целовал меня, ужинал со мной, спал в одной постели — и трахал другую.

— Почему? — я почти не слышала собственный голос.

Алексей встал, прошелся по комнате. Остановился у окна, посмотрел на темноту за стеклом.

— Потому что я встретил женщину, которая заставляет меня гореть, пылать, — сказал он, не оборачиваясь. — Яркую. Страстную. Интересную. А ты... Саша, ты превратилась в удобную домохозяйку. Скучную, унылую, серую. Ты тянешь меня вниз.

Каждое слово было ножом. Он не кричал, не злился. Он просто констатировал факты, как на деловом совещании. Холодно. Отстраненно. Словно говорил не о жене, а о старой машине, которую пора сменить на новую модель.

— Я... — я задыхалась. — Я отказалась от карьеры ради тебя. Рожала твоего ребенка. Десять лет отдала тебе!

Он обернулся. Посмотрел на меня синими глазами, которые когда-то смотрели с любовью. Сейчас в них был только холод.

— Я не просил тебя жертвовать, — сказал он. — Ты сама выбрала стать тенью. Удобной. Предсказуемой. Скучной. Кира — другая. С ней я чувствую адреналин. Страсть. Она не сидит дома и не ждет меня с ужином. Она живет. А ты... ты просто существуешь, Саша.

— Ты сволочь, — прошептала я.

— Возможно, — он пожал плечами. — Но я хочу развод.

Ноги подкосились. Я упала на колени прямо посреди гостиной. Не специально, не театрально — просто ноги перестали держать. Села на пол и обхватила себя руками, качаясь взад-вперед, как больной ребенок.

— Алеша, пожалуйста, — из меня полились слезы. — Мы можем все исправить. Я изменюсь. Я вернусь к работе. Я стану интереснее. Только не уходи. Прошу. У нас дочь. У нас десять лет.

Он смотрел на меня сверху вниз. И в его взгляде было омерзение. Не жалость, не сожаление — именно омерзение. Словно я была чем-то грязным, жалким, недостойным его внимания.

— Я уже ушел, Саша, — сказал он тихо. — Я ушел три месяца назад. Просто ты этого не заметила.

Он поднялся наверх. Я слышала, как он ходит по спальне, открывает шкафы, что-то собирает. Через двадцать минут он спустился с сумкой. Прошел мимо меня, все еще сидящей на полу. Остановился у двери.

— Мой адвокат свяжется с твоим. Оформим развод по-тихому. Не устраивай сцен, Саша. У тебя еще осталось достоинство. Не теряй его окончательно.

И ушел. Просто взял и ушел из десяти лет нашей жизни. Дверь закрылась с тихим щелчком. Я осталась одна в огромной гостиной, залитой лунным светом, в особняке, который перестал быть домом.

Говорят, что у боли есть предел. Что человек не может чувствовать больше определенного порога, иначе разум не выдержит и отключится. Но это неправда. Боль не имеет предела. Она может расти бесконечно, раздуваться, заполнять каждую клетку тела, пока не останется ничего, кроме этой боли. И ты не отключаешься. Ты продолжаешь чувствовать. Каждую секунду. Каждый удар сердца. Каждый вдох, который режет легкие, как битое стекло.

Я не знаю, сколько просидела на полу. Час? Два? Вечность? Время потеряло смысл. Потом поднялась, дошла до зеркала в прихожей. Посмотрела на свое отражение. Красивая тридцатидвухлетняя женщина с заплаканным лицом. Длинные светлые волосы растрепаны. Зеленые глаза красные от слез. Губы дрожат. На шее следы от ногтей — я царапала себя, не замечая.

— Кто ты без него? — спросила я свое отражение шепотом.

Отражение не ответило. Потому что ответа не было. Десять лет я была женой Алексея Ковалева. Матерью его ребенка. Частью его жизни. А теперь... теперь я была никем. Пустым местом. Тенью, от которой он отказался, потому что нашел что-то ярче.

Я поднялась в спальню, легла на его половину кровати. Вдыхала запах его одеколона с подушки и плакала беззвучно, чтобы не разбудить Софию. Плакала до тех пор, пока слезы не закончились. А потом просто лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок.

Самое страшное в предательстве — это не боль. К боли можно привыкнуть. Самое страшное — это осознание собственной ненужности. Понимание, что ты была временной. Что вся твоя любовь, все жертвы, все эти годы ничего не стоили. Что ты легко заменяема. Что где-то есть другая — моложе, ярче, интереснее — и она забрала то, что ты считала своим. Не силой. Просто потому что заслуживала больше.

И ты лежишь в пустой постели и понимаешь: ты проиграла. Не битву. Войну. Войну за любовь мужчины, которому отдала все. И никто не скажет тебе "спасибо за службу". Никто не пожалеет. Ты просто проиграла. И цена поражения — твоя жизнь.

За окном начинало светать. Новый день. Первый день остатка моей разрушенной жизни. Я закрыла глаза и подумала: как дальше жить, когда причина жить ушла к другой?

Ответа не было. Только пустота. Огромная. Холодная. Бесконечная.

Глава 3

Существуют слова, после которых жизнь делится на "до" и "после". "Я хочу развод" — именно такие слова. Они звучат обыденно, почти буднично, но разрывают реальность пополам, как лист бумаги. И ты стоишь посреди этого разрыва, пытаешься склеить обратно, но понимаешь — невозможно. Слишком много осколков. Слишком глубокий разлом.

Через неделю после той ночи, когда Алексей ушел из дома с сумкой, он вернулся. Но не ко мне. Он вернулся за вещами. За своей жизнью, аккуратно упакованной в чемоданы и коробки. Я сидела в гостиной на диване, обхватив руками колени, и смотрела, как мой муж методично выносит из нашего дома все, что принадлежало ему. Костюмы, рубашки, обувь, книги, документы. Он ходил мимо меня, даже не глядя в мою сторону, словно я была частью мебели. Невидимой. Несуществующей.

София стояла на лестнице в своей розовой пижаме, держась за перила, и смотрела огромными испуганными глазами. Ей было девять лет, но в тот момент она выглядела намного младше — маленькая растерянная девочка, которая не понимала, почему ее мир рушится.

— Папа, — ее голос дрожал. — Папа, ты куда?

Алексей остановился, поставил коробку на пол. Подошел к дочери, присел на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне. Я видела, как его лицо смягчилось — единственный момент за эту неделю, когда я увидела хоть какую-то человечность в его чертах.

— Солнышко, папа будет жить в другом месте, — сказал он мягко. — Но я буду приходить к тебе. Обещаю.

— Почему? — слезы покатались по ее щекам. — Почему ты не хочешь жить с нами?

— Потому что мама и папа больше не могут быть вместе. Но мы оба тебя очень любим. Это важно, хорошо?

— Нет! — София закричала, и этот крик пронзил меня насквозь, разорвал что-то внутри, что еще оставалось целым. — Нехорошо! Я хочу, чтобы ты остался! Папа, не уходи!

Она бросилась к нему, обняла за шею, зарылась лицом в его плечо. Рыдала так, что ее маленькое тело сотрясало. Алексей обнял ее, погладил по волосам, что-то шептал успокаивающе. А потом бережно отстранил, поцеловал в лоб и встал.

— Я позвоню тебе вечером, — сказал он. — Обещаю.

София сползла на ступеньку и продолжала плакать, уткнувшись лицом в колени. Я встала, хотела подойти к ней, обнять, но она вскрикнула:

— Не трогай меня! Это ты виновата! Ты довела папу! Он уходит из-за тебя!

Каждое слово било, как камень в грудь. Моя дочь, мое солнце, моя кровь — ненавидела меня. Потому что не понимала. Потому что в девять лет мир делится на черное и белое, на хороших и плохих, и если папа уходит — значит, виновата мама.

Алексей погрузил последнюю коробку в машину. Овернулся, посмотрел на меня в последний раз. И в этом взгляде не было ничего — ни сожаления, ни вины, ни даже злости. Просто пустота. Словно я была для него пройденным этапом, старой фотографией, на которую не хочется смотреть.

— Мой адвокат свяжется с тобой, — сказал он холодно. — Постарайся вести себя адекватно, Саша. Ради дочери.

Машина уехала. София убежала в свою комнату и заперлась. А я осталась стоять посреди прихожей и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Не сердце — оно продолжало биться, хоть и причиняло адскую боль каждым ударом. Умирала надежда. Вера в то, что можно что-то исправить. Что он одумается. Что проснется и поймет, какую чудовищную ошибку совершил.

Но люди не просыпаются. Они делают выбор и идут до конца. Особенно когда этот выбор продиктован не разумом, а низменными инстинктами. Страстью. Желанием новизны. Эгоизмом.

На следующий день я пошла к адвокату. Нашла его через знакомых, небольшая контора, специализирующаяся на семейных делах. Юрий Петрович, мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и добрыми глазами, выслушал меня, просмотрел документы, которые я принесла, и долго молчал. Потом снял очки, потер переносицу и посмотрел на меня с сочувствием, от которого захотелось расплакаться.

— Александра Константиновна, — сказал он тихо. — Скажите, у вас есть хоть что-то, оформленное на ваше имя?

— Что вы имеете в виду?

— Недвижимость, счета, машины, акции. Что угодно.

Я задумалась. Дом был куплен на имя Алексея еще до свадьбы. Машина тоже его. Счета... я никогда не задумывалась о счетах. У меня была кредитка, привязанная к его счету. Я расплачивалась ею, когда нужно было что-то купить. Но своих денег, своих накоплений у меня не было. Зачем? Он зарабатывал достаточно на всех.

— Нет, — выдохнула я. — Ничего нет.

— Брачный договор подписывали?

Я вспомнила. Десять лет назад, за неделю до свадьбы, Алексей принес какие-то бумаги. Сказал, что это формальность, что так требует его банк для страховки активов. Я даже не читала — доверяла ему полностью. Просто подписала, где он показал.

— Да, подписывала. Но я не помню, что там было написано.

Юрий Петрович открыл папку, достал копию договора, которую запросил заранее. Пробежал глазами по тексту, и его лицо стало еще более озабоченным.

— Здесь прописано, что в случае развода вы не имеете права претендовать на совместно нажитое имущество. Максимум, что положено по закону — это компенсация. Символическая. Учитывая его состояние, вы получите копейки.

Меня затрясло. Руки легли на стол, чтобы удержаться, чтобы не свалиться со стула.

— Но... как? Мы прожили десять лет! У нас ребенок!

— Брачный договор — это железный документ. Вы подписали его добровольно. Суд будет опираться на него, а не на ваши чувства или жертвы.

— А дочь? Родительские права?

Юрий Петрович помолчал. Потом вздохнул тяжело.

— Это будет битва. Серьезная битва. У вашего мужа деньги, связи, возможности нанять лучших адвокатов. Он может давить на суд, на свидетелей, на экспертов. Вам придется очень тяжело.

Я вышла из его офиса как оглушенная. Мир вокруг казался нереальным — люди шли по улицам, смеялись, разговаривали по телефонам, пили кофе в кафе. Обычная жизнь. А я посреди этой жизни была мертвой. Зомби в красивой одежде, которая еще дышала, но уже не жила.

Через два дня мне позвонил незнакомый номер. Мужской голос, уверенный, жесткий, представился:

— Александра Константиновна? Меня зовут Игорь Самойлов. Я представляю интересы вашего мужа Алексея Юрьевича Ковалева в бракоразводном процессе.

Игорь Самойлов. Я слышала это имя. Он был известен в узких кругах как "адвокат миллионеров" — человек, который выигрывал разводы для богатых мужчин, оставляя их женам ровно столько, сколько требовал закон. Не больше. Он был акулой, и Алексей натравил его на меня.

— Слушаю вас, — я с трудом выговорила слова.

— Мой клиент готов предложить вам мировое соглашение. Вы получите компенсацию в размере пятисот тысяч рублей и право видеться с дочерью два раза в месяц под контролем органов опеки. Взамен вы не предъявляете претензий к имуществу и соглашаетесь на ускоренный развод.

Пятьсот тысяч. За десять лет жизни. За отказ от карьеры. За роды. За то, что я стерла себя ради него. Два раза в месяц с дочерью. Под контролем, словно я преступница.

— Это неприемлемо, — мой голос дрожал. — Я не соглашусь.

— Тогда мы идем в суд, — Самойлов говорил спокойно, деловито. — И предупреждаю сразу: мой клиент будет бороться за единоличную опеку над ребенком. У него есть все основания полагать, что вы эмоционально нестабильны и не способны обеспечить дочери должный уход.

— Что?! Я ее мать!

— Вы мать, которая не работает, не имеет собственного дохода и, по свидетельским показаниям, демонстрирует признаки депрессии и истерии. Подумайте хорошо, Александра Константиновна. Война будет грязной. Очень грязной.

Он повесил трубку. Я стояла посреди кухни с телефоном в руке и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Они собирались забрать у меня Софию. Мою дочь. Единственное, что у меня осталось. Единственную причину дышать.

Первое судебное заседание назначили через две недели. Я пришла в здание суда с Юрием Петровичем, и мне казалось, что я иду на собственную казнь. Алексей сидел на другой стороне зала с Игорем Самойловым — оба в дорогих костюмах, уверенные, спокойные. Он даже не посмотрел в мою сторону. Просто сидел, листал какие-то бумаги, словно это была очередная деловая встреча, а не разрушение нашей семьи.

Судья — женщина лет сорока пяти с суровым лицом — начала заседание. Самойлов встал и начал свою речь. Я слушала, и меня выворачивало наизнанку от каждого слова.

— Ваша честь, мой клиент вынужден просить об единоличной опеке над несовершеннолетней дочерью Софией Алексеевной Ковалевой по причине того, что мать ребенка демонстрирует признаки эмоциональной нестабильности, которая может представлять угрозу для психического здоровья ребенка.

— Это ложь! — я вскочила, но Юрий Петрович дернул меня за рукав.

— Сидите тихо, — прошипел он. — Не давайте им повода.

Самойлов продолжал невозмутимо:

— У нас есть свидетельские показания соседей, которые утверждают, что Александра Константиновна часто повышает голос на ребенка, демонстрирует нервозность и неадекватное поведение. Кроме того, она не имеет постоянного дохода, не работает и полностью зависит от материальной поддержки моего клиента. В интересах ребенка находиться с отцом, который может обеспечить ей стабильную, безопасную и эмоционально здоровую среду.

Я слушала эту ложь и не могла поверить. Соседи? Какие соседи? Мы с ними даже не общались толком — закрытый поселок, каждый в своем мире. Повышаю голос на ребенка? Я никогда не кричала на Софию! Никогда!

Судья попросила предоставить показания свидетелей. Самойлов передал папку с документами. Я видела копии — якобы заявления от троих соседей, которые описывали меня как истеричную, агрессивную женщину, неспособную контролировать эмоции.

— Это подлог, — шепнул Юрий Петрович мне на ухо. — Но доказать будет почти невозможно.

— Ваша честь, — встал мой адвокат. — Прошу принять во внимание, что моя подзащитная десять лет была примерной женой и матерью. Она посвятила всю жизнь семье, и сейчас, в тяжелейший период развода, естественно испытывает стресс. Это не является основанием для лишения ее родительских прав.

— Никто не говорит о лишении прав, — вмешался Самойлов. — Речь идет об ограничении контактов до того момента, пока мать пройдет психологическую экспертизу и докажет свою эмоциональную стабильность.

— Психологическую экспертизу? — я не выдержала. — Я не сумасшедшая!

Судья стукнула молотком.

— Прошу соблюдать порядок. Александра Константиновна, еще одна вспышка, и я удалю вас из зала.

Я закрыла рот, но внутри кричала. Кричала так громко, что казалось, весь мир должен услышать. Они ломали меня. Публично, методично, с улыбками на лицах. Превращали в неадекватную истерику, от которой нужно защищать ребенка.

Заседание длилось два часа. Судья назначила психологическую экспертизу для меня и отложила рассмотрение дела на месяц. Временно Софию оставили с Алексеем — "в интересах ребенка, чтобы избежать дополнительного стресса".

Я вышла из зала суда и чувствовала, как ноги подкашиваются. Юрий Петрович поддерживал меня под локоть.

— Держитесь, — сказал он тихо. — Это только начало.

Только начало. Я попыталась представить, что будет дальше, и не смогла. Потому что дальше была пропасть. Темная, бездонная, холодная.

Я шла по коридору к выходу, когда услышала шаги за спиной. Обернулась — Алексей. Он догнал меня, взял за руку, развернул к себе. Мы стояли в пустом коридоре, и я впервые за недели видела его так близко. Синие глаза, в которые я когда-то влюблялась, смотрели на меня холодно, расчетливо.

— Саша, — сказал он тихо, чтобы никто не услышал. — Не сопротивляйся. Ты проиграешь. У меня деньги, связи, власть. У тебя — ничего. Подпиши документы добровольно, и я оставлю тебе квартиру и нормальные алименты. Будешь упрямяться — вышвырну с нулем. И дочь больше не увидишь.

Я смотрела на него, на этого мужчину, с которым прожила десять лет, родила ребенка, делила постель и мечты, и не узнавала его. Перед мной стоял чужой человек. Холодный, жестокий, циничный. Тот Алексей, которого я любила, умер. Или никогда не существовал.

— Ты чудовище, — прошептала я.

— Нет, — он усмехнулся. — Я просто реалист. Добро пожаловать в реальный мир, Саша. Здесь побеждает тот, у кого больше ресурсов. А у тебя их нет.

Он отпустил мою руку и пошел к выходу. Широкие плечи, уверенная походка, дорогие часы на запястье. Победитель, который даже не оглянулся на то, что оставил позади.

А я стояла в пустом коридоре суда и чувствовала, как по позвоночнику ползут ледяные мурашки. Как сжимается горло, непуская воздух. Как ломит кости от осознания собственного бессилия.

Есть боль, которая приходит быстро — режет, жжет, кричит. А есть боль медленная, которая не кричит. Она просто заполняет тебя изнутри, вытесняя все остальное — надежду, веру, желание жить. Она превращает тебя в пустую оболочку, которая еще ходит, дышит, говорит, но внутри уже мертва.

В тот день, выходя из суда, я поняла: меня убивают. Не физически — морально, психологически, юридически. Меня убивают руками закона, руками адвокатов, руками человека, который когда-то клялся любить меня до конца жизни. И самое страшное — я не знала, как защищаться. Потому что все оружие было в руках моего палача.

Я села в машину, положила голову на руль и заплакала. Не красиво, не тихо — рыдала взхлеб, как раненое животное. Потому что поняла: я проигрываю. Я теряю все. Дочь, дом, мужа, себя. И никто не придет на помощь. Никто не скажет "это несправедливо" и не остановит этот кошмар.

В мире нет справедливости. Есть только сила. И право сильного ломать слабого так, как ему захочется. Я была слабой. А Алексей был сильным. И битва была проиграна еще до того, как началась.

Когда я приехала домой — в тот дом, который скоро перестанет быть моим — я поднялась в спальню и легла на кровать. Не раздеваясь, не снимая обуви. Просто легла и уставилась в потолок. Тело было тяжелым, словно налитым свинцом. Мысли путались, наслаивались друг на друга, создавая какофонию ужаса.

Телефон зазвонил. Софина школа. Я взяла трубку.

— Александра Константиновна? Это завуч. София сегодня не пришла в школу. Алексей Юрьевич забрал ее, сказал, что у них семейные обстоятельства. Мы просто хотели уточнить...

Я отключилась. Он забрал ее. Просто взял и забрал, даже не поставив меня в известность. Моя дочь была теперь в его руках. И я ничего не могла сделать. Ничего.

Наступала ночь. Я лежала в темноте и чувствовала, как внутри меня что-то окончательно ломается. Не сердце — оно было разбито давно. Ломался дух. Воля жить. Желание бороться. Остатки надежды, что когда-нибудь все будет хорошо.

Потому что когда тебя уничтожают системно, когда против тебя объединяются закон, деньги и безжалостность — ты понимаешь, что шансов нет. Можно биться головой о стену. Можно кричать, плакать, умолять. Но стена не рухнет. Она просто раздавит тебя. Медленно. Жестоко. Окончательно.

И в ту ночь я впервые подумала: а может, лучше просто сдаться? Подписать все, что они хотят, и уйти. Исчезнуть. Перестать существовать. Потому что существование без дочери, без любви, без будущего — это не жизнь. Это мучение. Растянутая во времени агония.

Может, смерть — это милость для тех, кого жизнь больше не хочет?

Эта мысль не испугала меня. Наоборот, принесла странное облегчение. Как будто где-то в конце тоннеля появился свет. Черный свет небытия, но все же свет.

Я закрыла глаза и подумала: еще чуть-чуть. Еще немного этого ада, и я пойму, что делать. Жить или перестать. Бороться или сдаться. Остаться или уйти туда, где не больно.

За окном шумел ветер. Дом скрипел. А я лежала в темноте и чувствовала, как медленно, но неотвратимо приближается конец. Не развода. Конец меня.

Глава 4

Три месяца. Всего три месяца прошло с той ночи, когда Алексей ушел из нашего дома, но я чувствовала, будто прожила целую жизнь. Жизнь в аду, где каждый день приносил новую порцию унижения, новую дозу боли, новое доказательство того, что мир не просто несправедлив — он жесток. Беспощадно, методично, системно жесток к тем, кто оказался слабее.

Адвокат Алексея добился психиатрической экспертизы. Судья удовлетворила ходатайство без особых раздумий — достаточно было намеков на мою "эмоциональную нестабильность", подкрепленных липовыми показаниями соседей и "свидетельскими показаниями" людей, которых я в глаза не видела. Меня направили к психиатру, и когда я вошла в его кабинет, сразу поняла — игра была подстроена еще до моего прихода.

Доктор Семенов, мужчина лет шестидесяти с холодными серыми глазами и профессионально безучастным лицом, усадил меня напротив себя и начал задавать вопросы. Сначала обычные — имя, возраст, семейное положение. Потом вопросы стали странными, провокационными, словно он специально пытался вывести меня из себя.

— Александра Константиновна, вы испытываете агрессию по отношению к мужу?

— Бывшему мужу, — поправила я, сжимая руки в замок, чтобы они не дрожали. — И нет, я не испытываю агрессии. Я испытываю боль.

— Боль может трансформироваться в агрессию. Вы когда-нибудь думали о том, чтобы причинить вред Алексею Юрьевичу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.